

ГЛАВА 2

Остров

Портал с рябью закрылся за ее спиной, заглушив ликующие возгласы. Теперь Айсла слышала только свое неровное дыхание. Она сделала шаг вперед, и ее ослепил свет как от тысячи умирающих звезд и солнц.

Айсла отшатнулась в сторону. Кто-то взял ее за плечо, чтобы помочь вернуть равновесие.

— Открой глаза, — произнес голос, темный и заволаживающий, как полночь.

Айсла даже не поняла, что стоит с закрытыми глазами. Она моргнула, и мир вокруг сначала качнулся, затем выровнялся — эта телепортация была гораздо хуже, чем с использованием звездного жезла.

Мужчину, смотревшего на нее сверху вниз, ситуация явно забавляла. Его лицо казалось каким-то знакомым. Он был таким высоким, что дикой пришлось задрать подбородок, чтобы посмотреть в его черные, как угли, глаза. Волосы на бледном лбу лежали чернильными потеками. Конечно же, он из сумрачных. А это означало...

— Спасибо, Гримшоу, — твердо сказала Айсла.

Она быстро выпрямилась и огляделась по сторонам, надеясь, что никто не заметил ее неловкости. Ох, как бы Поппи и Терра сейчас ругали подопечную.

Но кроме дикой и сумрачного на скале никого не было. Она обернулась, и из ее горла вырвался слабый сдавленный звук. В сотнях метров внизу бушевало свирепое море. Айсла чуть не полетела вниз на торчащие скалы и не покончила с планами по спасению своего народа еще до начала Столетнего турнира.

Чуть не покончила со всеми своими планами.

— Неудобно бы вышло, — усмехнулся правитель сумрачных, явив совершенно неуместную на его грубо высеченном лице ямочку на щеке.

— Зови меня Грим, Айсла.

Грим. Ну и имечко, еще и так им гордится, подумала Айсла. Тем не менее оно ему подходило. Под этой ухмылкой действительно крылось что-то мрачное, слабая тень, которая во тьме могла перерасти в чудовищную.

— Мы раньше встречались?

Дело не столько в том, что он знал ее имя, нет. Этого следовало ожидать. И даже не в том, что Грим произнес его идеально, растянув «с» как шипение змеи. Было что-то еще...

Снова на его губах дрогнула ухмылка.

— Если бы и встречались, — глаза нахала на мгновение опустились, — то точно не однажды.

Айсла почувствовала, как ее лицо вспыхнуло под его пристальным взглядом. За исключением редких встреч под чутким надзором наставниц или тайных путешествий со звездным жезлом в другие новоземья, она почти не общалась с мужчинами.

Особенно с мужчинами, похожими на него.

Особенно с такими, которые как будто бы не боялись ее или проклятья диких.

Она нахмурилась. Ему *стоило бы* бояться. Если дикие хотели, они могли заставить человека упасть со скалы в погоне за ними. Перед их способностью очаровывать невозможно было устоять — правда, применять ее в течение ста дней турнира запрещалось. Сумрачный, вероятно, думал, что он в безопасности.

Но ошибался.

Каждый турнир представлял собой масштабную игру, шанс обрести непревзойденные способности. Говорили, что тот, кто снимет проклятия, исполнив пророчество, получит высшую награду — всю силу, которая была вложена в их создание.

Неужели Грим флиртовал, чтобы ее отвлечь?

Айсла посмотрела на него.

А он заулыбался еще шире.

Любопытно.

Каждые сто лет с тех пор, как было наложено проклятье, остров Лайтларк появлялся всего на сто дней, вырываясь из пут бесконечной бури. Из новоземий, которые люди заселили после бегства с Лайтларка, приглашали правителей каждого народа, чтобы они попытались снять проклятия, наложенные на их способности и на сам остров. Звали всех, кроме сумрачных. Этот народ обладал даром накладывать проклятия — творить злые чары, что делало их главными подозреваемыми в свершившейся беде, несмотря на то что они отрицали вину. Похоже, в этом году король Лайтларка совсем отчаялся и впервые пригласил правителя сумрачных на турнир.

Грим снова взял ее за руку. Прежде чем Айсла успела возразить, он осторожно отвел ее в сторону.

Мгновение спустя на краю утеса, на том самом месте, где только что стояла Айсла, засветился золотом гигантский знак — эмблема, представляющая все шесть народов, — и некто появился прямо из воздуха.

Бледно-голубая накидка распахнулась на ветру, а затем опустилась на голые, очень темные плечи и мускулистые руки. Брови мужчины казались больше глаз. Красиво очерченный подбородок затемняла идеально подстриженная щетина, обрамлявшая розовый рот. Азул, правитель небесных. Айсла знала их имена с тех пор, как научилась говорить. Азул и Грим считались древними — обоим исполнилось более пятисот лет. Они застали тот день, когда наложили проклятия. Настоящие легенды, по сравнению с ними она никто.

Очевидно, за прошедшие века Азул и Грим так и не смогли подружиться. Небесный коротко кивнул сумрачному, и улыбка последнего стала злой. Насмешливой. Азул повернулся к Айсле и, низко поклонившись, взял ее за руку.

— Приятно видеть новую кровь диких на этом турнире, — сказал он. Его ясные глаза встретились с ее. Он рассматривал пальцы Айслы: те были унизаны кольцами с драгоценными камнями размером с желудь. Хотя остальные народы предпочитали считать диких варварами, их богатство было неоспоримо. Контроль над природой имел свои преимущества.

— О, небо, я никогда не видел такого большого алмаза.

Для Айслы это был просто камень. Красивый, конечно, но ничто не кажется особенным, если оно есть в изобилии. Руда возникла, когда над природой властвовала великая сила, и на протяжении веков сверкающие жилы пронизывали почву в Новоземье Диких,

со временем поднимаясь наверх и распускаясь, как цветы. В землях Айслы трудно было не споткнуться о какой-нибудь драгоценный камень — об этом она, конечно же, знала только из текстов и уж точно не из личного опыта.

Так думали Терра и Поппи.

Воительница всегда говорила, что именно благодаря этим сияющим камням у них всегда есть запас сердец. Воры из других земель, глупые, наглые и злобные, пробирались на территорию диких за алмазами.

Айсла улыбнулась. Значит, этот небесный любит драгоценности. Она без промедления сняла кольцо и надела его на самый длинный палец Азула.

— Оно идет тебе гораздо больше, чем мне.

Азул будто хотел что-то возразить, но промолчал.

Из портала появился кто-то еще и легкой походкой прошел мимо них, как будто воспринимал процесс переноса через порталы так же спокойно, как прилив. Новоприбывшая повернулась к Айсле. Похоже, хмурилась дама столь же часто, как прочие люди улыбались.

— Так это и есть наша новая зверушка?

Грубые слова будто раздули уголек в груди Айслы. В остальных землях женщин-воительниц считали дикими искусительницами, хищницами, которые заманивали к себе любовников, а потом пировали их сердцами.

И Айсла действительно не могла ни в чем винить сплетников. Ведь почти так оно и происходило.

Однако лишь этим таланты диких не исчерпывались. По крайней мере, так было раньше. И могло стать снова.

Пусть в глубине души ей хотелось сказать что-то, о чем она, скорее всего, пожалеет, Айсла знала: эта правительница только и ждет дерзости в ответ. Дама

пыталась разбудить в Айсле монстра, показать остальным, что она не более чем кровожадный зверь. Вместо этого Айсла поклонилась в знак почтения.

— Для меня честь познакомиться с тобой, Клео...

Клео была старшей среди них, даже старше короля Лайтларка, который также правил солярианцами. Возраст не оставил следов на ее идеально гладком молодом лице. Хотя большинство правителей были старше на сотни лет, на вид они казались почти одного возраста с Айслой. Почти.

Решив не тратить силы на еще одно оскорбление, Клео просто гордо подняла подбородок и усмехнулась, глядя на зеленое платье Айслы так, словно та сошла на остров голой. Пожалуй, по сравнению с тем, как оделась лунианка, так оно и выглядело. У белого платья Клео были длинные рукава, похожие на бледные дорожки лунного света, горло платья доходило до подбородка, а накидка полностью закрывала три четверти ее тела. Участки кожи, которые все-таки видела Айсла, казались настолько светлыми, что сквозь них просвечивали вены, напоминая голубые прожилки на плите белого мрамора. Клео была не только намного светлее Айслы, но и намного выше. Ее треугольное узкое лицо по форме походило на ограненный алмаз.

Эмблема засветилась в последний раз, и вперед, слегка споткнувшись, шагнула девушка. Она вся была как серебро звезд: от длинных прямых волос до сверкающего платья и перчаток, доходивших до локтей. На ее лице в форме сердца появилась застенчивая улыбка. Девушка выпрямилась во весь рост.

— Кажется, я прибыла последней?

Клео всем своим видом выразила девушке неприязнь. Правительница Стелларианского Новоземья,

как и Айсла, была еще молодой. Проклятие ее народа считалось одним из самых жестоких. Никто из стелларианцев не проживал больше двадцати пяти лет.

Айсла шагнула вперед и протянула руку.

— Селеста, да?

Правительница стелларианцев тепло улыбнулась.

— Здравствуй, Айсла.

— Я в восхищении, — сказал Грим, насмешливо копируя поклон Азула.

Правитель небесных на мгновение нахмурился, но затем протянул Селесте руку, на которой теперь мерцал алмаз Айслы.

— И опять новая кровь. У меня хорошее предчувствие насчет этого турнира.

Клео вскинула бровь.

— Ей только и остается на это надеяться, — сказала она, кивнув на Селесту. — На следующем ее уже не будет.

Лицо стелларианки помрачнело. Алунианка просто отвернулась, всколыхнув свой белый плащ.

— Не думай, что это ты какая-то особенная, — успокоил Азул, подмигнув Селесте. — Она со всеми такая.

Правители отправились к замку, и сердце Айслы забилось в предвкушении. Она так увлеклась знакомством с другими правителями, что у нее не выдалось удобного момента как следует изучить обстановку. Весь остальной век остров закрывала буря. Но теперь тучи рассеялись.

Лайтларк был местом сияющим и скалистым. Солнечный свет падал на его белые, как кость, утесы туманно-золотистым дождем. Земля, один из первоначальных источников силы острова, все еще гудела ею, маня сладкой песнью сирены. Айсла чувствовала эту

силу с каждым шагом, с каждым вдохом. Она жадно пила остров, как вино, к которому ей не разрешали прикасаться, — настолько же вызывающему привыкание и опасному.

Уроки Поппи пронеслись в ее голове; то, что было теорией на бумаге, теперь стало реальным и осязаемым.

Тысячи лет назад народы раздробили один остров, чтобы каждый получил свой отдельный кусок земли. Сумрачные вскоре покинули архипелаг, чтобы образовать свое государство. Дикие ушли после наложения проклятий. Остались острова Звезд, Неба, Луны, Солнца и большой остров, где традиционно собирались все народы. На нем и проходил Столетний турнир.

Он же исторически был домом для королевской семьи Лайтларка.

Замок находился неподалеку от них, он возвышался на скале, словно жемчужина короны, рискованно выдаваясь над морем. Такой большой, что мог бы сойти за отдельный город. И это было хорошо, учитывая, что его главный обитатель не мог покидать стен твердыни.

По крайней мере, днем.

Должно быть, Айсла слишком явно глазела на замок, потому что Селеста со вздохом тихо спросила:

— Как ты думаешь, он следит за нами?

Он. Правитель солярианцев и король Лайтларка. Последний из предков, в нем текла кровь каждого из четырех народов, которые остались на острове. Он мог пользоваться любой из четырех сил Лайтларка.

И, судя по тому, что о нем говорили, король был невыносим.

На Лайтларке и за его пределами чувства имели свою цену. Влюбиться глубоко и по-настоящему означало создать связь, которая давала возлюбленному полный

доступ к способностям того, кто одарил его вниманием. Объект любви мог делать с ними все, что пожелает. Пользоваться ими или отвергнуть. Мог даже украсть.

Прекрасно зная, как много людей хотят получить доступ к его нескончаемому потоку силы, правитель Лайтларка стал недоверчив. Подозрителен. Холоден.

Айсла до ужаса боялась встречи с ним. Особенно учитывая, какой первый шаг запланировали для нее Поппи и Терра.

Она снова посмотрела на замок и еле удержалась от того, чтобы вздрогнуть. Вместо этого Айсла сбросила маску притворного очарования и показала неприличный жест в сторону дворца.

Игра официально началась.

— Надеюсь, что да.

Толпы людей ждали их у дверей замка. Стелларианцы. Лунианцы. Небесные.

Пятьсот лет назад, в ту ночь, когда на них обрушились проклятья, все шесть правителей погибли. Власть и обязанности перешли к их наследникам, и все они, за исключением нового короля Лайтларка, бежали от нестабильности, создав новые страны в сотнях километров от острова и друг от друга.

Некоторые подданные остались на Лайтларке.

Однажды Айсла спросила Старицу, зачем кому-то оставаться на острове в условиях почти постоянной зачарованной бури.

«Сила острова — в его крови и костях, — ответила она. — Лайтларк продлевает наши жизни, дает нам доступ к мощи, гораздо большей, чем наша собственная. И что гораздо важнее... для многих Лайтларк — это дом».

Диких там не осталось. Помощи от своего народа Айсла не получит.

Она тут совсем одна.

— Не волнуйся, — насмешливо сказал глубокий голос рядом с ней. — У меня тоже нет восторженных поклонников.

Айсла внимательно изучала реакцию толпы: люди смотрели на Грима с понятной смесью страха и презрения. Он выглядел как воплощение ночи, его одежда казалась шелком, сотканным из тени. Если на диких на Лайтларке смотрели свысока, то сумрачных, похоже, откровенно ненавидели и вообще никогда не принимали на острове, согласно урокам Терры и Поппи. У них была своя земля, оплот, который они берегли многие тысячелетия.

Однажды разразившаяся война между сумрачными и Лайтларком тоже наложила отпечаток на отношения народов.

Хотя Айсла не повернулась к Гриму, она чувствовала на себе его взгляд. Это действовало на нервы. По коже будто пустили необъяснимый электрический разряд.

— Я уверена, что дома ты получаешь более чем достаточно внимания.

Она вежливо улыбнулась толпе, проверяя, как ониотреагируют. Некоторые настороженно ответили тем же. Другие заметно отшатнулись при виде ее, искусительницы, пожирающей сердца. Айсла не удивилась. Она воплощала все, что считалось под запретом. Одна лунианка закрыла глаза своему ребенку и начертила в воздухе знак, словно отгоняя демона.

— Да, — признал он. — И все же я чувствую некое... неудовлетворение.

Айсла проигнорировала его. Она не собиралась разгадывать шарады Грима, что бы он ни имел в виду. У нее была своя игра.

Внутреннее убранство замка выглядело так, словно там вспыхнуло солнце и залило стены своим сиянием — ода солярианцам, которые его построили. Все было золотым. Мягкий солнечный свет лился из высоких окон, наполняя холл сиянием, которое отражалось от гладкого, блестящего пола. Айсла прищурилась, словно все еще находилась не в помещении. Высоко над ними в кольце канделябра пылал бушующий огонь, вместо кристаллов мерцали языки пламени.

Правитель солярианцев не вышел поприветствовать их. Не мог, даже если и хотел, в чем Айсла очень сомневалась. Солярианцы были прокляты никогда не чувствовать солнечного тепла и не видеть дневного света — их обрекли сторониться того, что давало им силу. Король Лайтларка оставался заперт во тьме своих покоев и мог выходить из них только ночью. В этом, думала Айсла, они похожи. Она тоже провела много времени в заточении.

Им поклонилась женщина в серебре стелларианцев. Несколько слуг, стоявших за ней, последовали ее примеру. Каждый правитель получал сопровождающего на все время турнира.

— Для нас честь проводить вас в покои.

Гостей отвели в совершенно разные части замка. Подальше друг от друга. Айсла не знала, что и думать. Это сделали умышленно: как учила ее Терра, каждая мелочь в Столетнем турнире что-то да значила.

Одна юная стелларианка медленно, чуть боком подошла к ней — так ребенок мог бы подкрадываться к свернувшейся змее.

— Миледи, — сказала она таким тихим голосом, что Айсле пришлось наклониться, чтобы расслышать, отчего девушка вздрогнула. Айсла очень постаралась не закатить глаза. Неужели девушка действительно думала, что гостя примется лакомиться ее сердцем тут же, посреди холла? Ее народ — дикие, но они не животные.

— Следуйте за мной.

— Айсла, — поправила она, глядя в напряженную спину девушки, когда та с заметным беспокойством понеслась вперед. Айсле, скорее всего, понадобится ее помощь, а значит, нужно как-то заслужить доверие служанки. — Зови меня Айсла.

— Как пожелаете, — пробормотала девушка.

Она повела Айслу вверх по широкой лестнице, проходившей через центр замка и спускавшейся в невероятное сплетение коридоров, которые переходили друг в друга и, как мосты, друг через друга перекидывались. Но, в отличие от ее дворца в Новоземье Диких, этот становился все более замкнутым, чем дальше она шла. Он напоминал ей переплетение лазов в пещере. Или темницу. Айсла вдруг представила себе короля древним зверем, запертым во тьме. Заблудившимся в лабиринте собственного замка. Они дошли до участка, где не было ни единого окна. В коридорах стало холоднее, стены здесь казались толще.

Девушка остановилась перед древней каменной дверью. Собрав все силы, она толкнула ее.

Кто-то умудрился посадить дерево прямо посреди комнаты — какой-то дуб с пудровыми бутонами и незнакомыми зреющими плодами; корни дерева уходили прямо в каменный пол. По потолку красивым узором полз плющ, протягиваясь к стене, у которой

стояла кровать, покрытая свисающими до самого пола листьями.

Это было еще не все. Айсла прошла через комнату и оказалась на широком изогнутом балконе, который нависал прямо над морем. И нависал весьма опасно. Внизу бурлили волны. Замок был похож на любопытного ребенка, забравшегося на вершину горы и слишком далеко свесившегося с края.

Айсла нахмурилась.

— Насколько он прочный? — Казалось, что балкон может обрушиться в любой момент или что сам замок просто сползет с утеса во время бури.

— Полагаю, он такой же стойкий, как и сам король.

Точно. Айсла знала это из своих уроков. Король Лайтларка не просто управлял силой острова — он и был этой силой. Если бы с ним что-то случилось, вся земля рассыпалась бы и все народы Лайтларка пали. Поэтому он вел себя очень осторожно. Не из страха быть убитым, а боясь, что кто-то украдет эту ужасную силу прямо у него из-под носа.

Еще одно сходство: Айсла, как и он, не могла влюбиться.

Вернее, это было возможно, но все жили в страхе, что их полюбит дикая. Проклятие делало такую любовь смертным приговором.

По правде сказать, не совсем подходящая почва для романтики.

До сих пор это не приносило огорчений в относительно короткую, полузакрытую жизнь Айслы. И все же...

Насколько жесток король, который уже более пятисот лет боится влюбиться?

Похоже, скоро ей предстоит узнать.

— Ужин начнется, когда пробьет восемь, — сказала стелларианка и принялась разжигать и без того чудовищно полыхавший огонь в очаге напротив кровати.

— Он уже хорошо растоплен, — остановила ее Айсла. — Не утруждай себя.

Девушка продолжала ловко перекладывать угли.

— Король отдал строгий приказ, чтобы огонь везде горел постоянно.

Какой странный приказ, подумала Айсла. Но не успела спросить почему, как девушка уже подошла к порогу. Она поклонилась и быстро закрыла дверь за собой.

Айсла как раз осматривала свою ванную комнату — более просторную, чем у нее дома, с ванной, в которой можно было даже плавать взад-вперед, — когда раздался стук в дверь.

Она с опаской открыла.

И обнаружила там Селесту.

Айсла тут же бросилась обнимать правительницу стелларианцев. Они кружились, обнимались и смеялись так громко, что Айсла пинком закрыла дверь, чтобы эхо не разнеслось по коридору.

Селеста вскинула бровь.

— Селеста, да? — протянула она, поразительно хорошо и нелестно пародируя Айслу. Затем запрокинула свою среброволосую голову и рассмеялась.

Айсла натянуто улыбнулась, волнуясь, что была недостаточно убедительна.

— Думаешь, они...

— Они ничего не подозревают, — оборвала ее Селеста. Она цокнула языком и потянула Айслу за прядь волос. — Я думала, ты собиралась это все отрезать.

Айсла вздохнула.

— Я пыталась. Но только посмотрела на ножницы, а Поппи уже чуть не прикончила меня ими. Она конфисковала все режущие предметы из моей комнаты.

— Конфисковала? — Селеста подняла бровь. — Мне напомнить тебе, что ты правительница целого народа?

Айсла рассмеялась, хотя было совсем не смешно. Она отвернулась от Селесты и хотела пройти дальше в свои покои, но рука подруги сразу оказалась у нее на спине.

— Ты взяла его с собой?

Айсла поймала свое отражение в зеркале. Что-то за ее спиной источало слабый свет — должно быть, из-за присутствия Селесты. Айсла выругалась, надеясь, что никто больше ничего не заметил, и вытащила звездный жезл.

— Я не решилась его оставить.

Селеста нахмурилась:

— Это рискованно. Спрячь его получше.

Она была права. Если кто-нибудь узнает, что у Айслы есть этот заколдованный предмет, их тайный союз окажется под угрозой.

Айсла нашла звездный жезл в вещах своей матери пять лет назад. Так как мечты о свободе перевешивали страх перенестись в опасное место, она несколько месяцев путешествовала с ним по новоземьям, пока не встретила с Селестой. Так произошло их знакомство.

Селеста сразу же узнала звездный жезл — древнюю реликвию стелларианцев. Айсла понятия не имела, как он попал в руки ее матери перед смертью. А поскольку семья Селесты давно сгинула из-за проклятия, которое

обрекало на смерть всех стелларианцев по достижении ими двадцати пяти лет, она тоже этого не знала.

Хотя жезл считался артефактом стелларианцев, Селеста никогда не просила Айслу его вернуть. Это положило начало их дружбе — дружбе правительниц двух народов, чьи земли разделяли сотни километров, но которых объединяло одно: они обе отчаянно нуждались в том, чтобы снять проклятия на этом турнире.

Для Селесты победа была вопросом жизни и смерти. Не только для нее, но и для всего ее народа.

Для Айслы все обстояло еще сложнее. Никто не осознавал, насколько сократилась численность ее народа. Диких умирало гораздо больше, чем рождалось. С каждым поколением они утрачивали силу. Леса уменьшались. Животные вымирали. Если положение будет ухудшаться такими же темпами, к следующему турниру диких могло не остаться совсем.

Айсла не приняла план Поппи и Терры. Он был слишком сложным. Слишком унижительным.

Поэтому вместе с Селестой она разработала новую стратегию.

— Мне пора, — сказала подруга после того, как полностью осмотрела комнату Айслы. — К твоему сведению, твои покои лучше, чем мои. Зато моя комната не в таком старом, насквозь продуваемом углу замка.

Айсла закатила глаза.

— Увидимся за ужином.

На пути к двери Селеста лукаво улыбнулась.

— Ну что, начинаем.

ГЛАВА 3

Кровь

Солнце закатилось. Похожее на огромный желток, оно уже наполовину скрылось за горизонтом, когда Айсла открыла двойные двери балкона и загляделась на восходящую луну. Собираясь к ужину, правительница диких ходила в одной комбинации. Тонкие белые занавески развевались на ветру, касались ее рук, задевали голые колени и пальцы ног. Она выскользнула на балкон, почувствовала холод камня под ступнями. Вдохнула соленый запах моря.

Айсла осторожно взобралась на широкие каменные перила, подтянув колени к груди. И так же, как делала дома, оставаясь одна в своей комнате, когда ей становилось тревожно, одиноко или она чувствовала себя загнанной в угол, Айсла начала петь.

Пение считалось стихией диких, искусительниц — как у их сестер, морских сирен. Голос Айслы был неестественно хорош — мягкий, как шелк и бархат, завораживающий, как сон. Она это знала и сама любила его звучание. Ей нравилось, что ее голос может быть глубоким, как океан, и высоким, как перезвон ветра. Айсле не требовалась музыка, чтобы петь. Море

внизу стало для нее инструментом, его волны с грохотом разбивались об истязающие их белые скалы острова, словно в попытках добраться до гостыи и разглядеть получше.

Она пела и пела, без особого смысла, мелодия текла свободно. Айсла позволяла своему голосу литься, доходить до верхних нот и затем падать, словно рисуя звуком картину на бесконечном холсте. Она пела морю, луне, надвигающейся тьме. Всему тому, чего не могла видеть из своих закрашенных окон дома в Новоземье Диких. Айсла закончила на высокой ноте, стараясь растянуть ее насколько хватит воздуха. Она улыбнулась про себя, как всегда удивившись возможностям своего голоса. И, как всегда, испытала облегчение от того, что пение избавляло ее от самых мрачных мыслей.

Вдруг раздалась аплодисменты.

Айсла резко обернулась и увидела мужчину на другом балконе недалеко от нее. Незнакомец стоял в глубине замка — она не сразу его заметила. Айсла ахнула, застигнутая врасплох практически в нижнем белье. От испуга она слишком быстро обернулась, замахала руками, пытаясь обрести равновесие или ухватиться за что-то, но бесполезно — как можно бороться с притяжением земли?

Айсла полетела вниз с выступа.

Выдох вырвался из ее груди, она падала, беззвучно крича, хватаясь за ночной воздух, словно звезды могли послужить ей опорой.

Но ветер лишь просачивался сквозь ее пальцы, и Айсла падала, падала...

Пока под ней не раздался рев моря и ее голова не столкнулась с его поверхностью.

Айсла села так быстро, что ее стошнило морской водой. Горло горело от соли. Она не могла перестать часто моргать. Айсла вытерла рот тыльной стороной ладони.

И обнаружила, что снова сидит на балконе, прямо в луже. С волос стекала вода. Промокшая насквозь комбинация прилипла к телу. Голова раскалывалась от боли в самой макушке. Айсла осторожно провела пальцами по этому месту, ожидая увидеть кровь. Но крови не было.

Она по-прежнему оставалась очень даже жива. Не утонула, хотя должна была. Тот человек, что наблюдал за ней... Вероятно, это он ее спас.

А потом забросил Айслу сюда, даже не потрудившись убедиться, что она очнется.

Кто бы мог так поступить?

Но больше удивляла не его бесцеремонность, а сама внезапная помощь.

После того как проклятья вступили в силу, воцарился хаос. В ту же ночь шестеро правителей принесли себя в жертву в обмен на пророчество, которое должно было стать ключом к снятию проклятий. Терра и Поппи утверждали, что предок Айслы стал тем, кто возглавил жертвоприношения, и погиб первым.

Правда это или нет, но Айсла не могла представить, какой силой духа нужно обладать, чтобы отдать свои жизни за шанс на спасение людей. Сила, которую шестеро подарили острову и передали своим народам, сделала возможным проведение Столетнего турнира. Благодаря этой жертве каждые сто лет в течение ста дней шесть народов получали возможность избавиться от злых чар.

Пророчество о снятии проклятий состояло из трех частей, которые веками толковали по-разному. Одно

было ясно: чтобы покончить с мучениями, один из шести правителей должен умереть. Именно поэтому турнир считался таким рискованным делом, его боялись и к нему готовились, поэтому Терра учила Айслу сражаться уже с тех пор, как та научилась ходить.

Внезапная гибель Айслы в результате утопления могла стать первым шагом к исполнению пророчества. Но по какой-то причине человек на балконе решил сохранить ей жизнь.

Почему?

По замку разнесся звон колоколов, от которого Айсла чуть не выпрыгнула из собственной кожи. Она сосчитала удары и выругалась.

Для первого ужина ей следовало потратить час на прическу, уложив волосы в сложную композицию. Затем требовалось выбрать идеальный наряд, намазать кожу лосьоном с ароматом розы, пока она не заблестит, и нанести очень аккуратный макияж, используя инструменты, которыми Айсла научилась владеть так же искусно, как метательными ножами. Все это Поппи надежно вбила ей в голову.

Вместо этого Айсла расчесала пальцами мокрые волосы, чуть не поскользнувшись на луже от них, накинула первое попавшееся под руку платье, надела шелковые мюли и, в последний момент схватив свою корону, кое-как напялила ее на голову, уже выбегая из покоев.

Айсла чуть не столкнулась с той стелларианкой, которая ее провожала. Служанка от удивления открыла свой маленький рот и инстинктивно подняла руки вверх, словно защищаясь от нападения.

— Пройдемте сюда... Айсла.

Когда они миновали десятки коридоров, перед ними открылись двери в столовую, и все гости обернулись.

Айсле захотелось стать сумрачной, чтобы иметь возможность исчезнуть.

Селеста откинулась на стуле, подняв брови.

Азул опустил кубок, который держал в руках.

Клео посмотрела на нее с еще бóльшим презрением, чем прежде. В спешке Айсла схватила одно из своих самых дерзких платьев, которое ей было предписано пустить в ход гораздо позже. Косточки лифа просвечивали сквозь ткань, и сам корсаж был почти прозрачным. Разрез на юбке шел по ноге до самого бедра. Накидка из зеленого кружева крепилась к углубленному декольте.

Грим наблюдал за каждым ее шагом с такой ухмылкой, что она сторала со стыда.

Еще один человек сидел во главе стола. Тот самый, кто наблюдал за ее пением — кто, вероятно, спас Айслу, а затем бросил.

Оро, король Лайтларка, правитель солярианцев. Его волосы напоминали пряденое золото, янтарные глаза были запавшими и походили на соты. Злые глаза, от одного взгляда которых ее пригвоздило к месту. Он нахмурился и отрывисто кивнул ей в знак приветствия лишь из чувства долга.

Почему король спас ее?

И после этого демонстрирует такое пренебрежение.

Она ответила холодным кивком и опустила на единственное свободное место рядом с ним, проклиная того, кто ее туда усадил.

Мокрые волосы Айслы ниспадали на руки, вода с них стекала по коже и образовывала лужу на полу рядом с ней. Ее тело слегка дрожало, она замерзала,

а хлипкое, практически невесомое подобие платья совершенно не грело.

Снова в голове зазвучал дразнящий голос: *Ты готова, Айсла?*

Конечно, не готова. Как ей вообще в голову пришло принять приглашение на турнир? Ввязаться в такую смертельно опасную игру?

Один из шести правителей должен умереть. Только дурочка бы поверила, что это будет не она, самая молодая и самая неопытная. Особенно если вспомнить, что Айсла уже дважды чуть не погибла, и это менее чем за день до церемонии.

А раз Айсла умнее, ей надо уходить этой же ночью, используя звездный жезл.

Если она хочет выжить, то придется оставить остров, свой народ, свой долг и никогда не оглядываться. Земли за пределами Лайтларка и новоземий почти не изучены. Ей всегда было интересно узнать, что там. Путешествовать по ним рискованно, но точно не опаснее, чем участвовать в Столетнем турнире...

Но она не могла так поступить, если хотела когда-нибудь стать по-настоящему свободной. Ее проклятие никогда не позволит ей жить полной жизнью, с людьми, которые были Айсле дороже всего на свете. Терра. Поппи. Селеста.

Если все пойдет по плану, ей больше никогда не придется скрывать свою тайну. Айсла перестанет стыдиться того, кто она есть. Сможет вести свой народ к процветанию и вольно путешествовать по новоземьям, навещая Селесту когда вздумается.

Айсла потратила множество часов своей жизни, изучая людей, угадывая их мотивы.

Она добьется свободы.

Оро оглядел ее мокрые волосы, и у него хватило нахальства улыбнуться.

— Я понимаю, что перед нашими морями трудно устоять... Но в будущем, пожалуйста, планируйте свои купания на ранний вечер, чтобы не заставлять остальных ждать.

Он чуть приподнял подбородок. Корона на его голове золотилась и сверкала, ее шипы были такими острыми, что могли пустить кровь.

— Так невежливо. Хотя, возможно, я в целом слишком много ждал от вашего народа.

Глаза Клео блестели от удовольствия, она наслаждалась тем, как густо покраснело лицо Айслы.

— Искупаться в этом море в такой час? Она и впрямь дикая зверушка. Даже лунианцы не подумали бы о таком во время турнира. Разве что кто-то совсем глупый.

Дикая. Глупая. Зверушка. Лунианка умудрилась вставить столько колкостей в несколько коротких предложений.

— Ну не в полнолуние же, — невозмутимо произнесла Айсла. Слова вырвались прежде, чем она успела себя остановить.

Воцарилось молчание.

Где-то в другом конце зала звякнуло столовое серебро.

Проклятие лунианцев заключалось в том, что каждое полнолуние море уносило десятки жизней из их народа, топя всех, кто оказывался слишком близко к берегу. Из-за него торговые плаванья к дальним землям стали почти невозможны, оно превращало жизнь вблизи океана в испытание и полностью подрывало экономику Лунианского Новоземья.

Айсла тут же пожалела о своих словах. По тому, как Клео прищурилась, как ее взгляд нацелился прямо на нее, словно стрела, стало понятно, что Айсла только что официально нажила себе врага номер один.

Прежде чем кто-либо успел произнести хоть слово, перед правительницей диких поставили тарелку. На ней лежало кровоточащее сердце.

— Взято в худшей из наших тюрем, — спокойно сообщил Оро. — Его владелец убивал женщин.

Айсле потребовалась вся ее воля, чтобы тепло улыбнуться ему.

— Как мило с вашей стороны. Однако я предпочитаю есть одна. Некоторым от этого зрелища не по себе.

Она осмотрелась в поисках стелларианки, которая привела ее в столовую.

— Могу я попросить отнести его в мою комнату?

— Ерунда, — возразил Оро. Он посмотрел на сердце, потом на Айслу. — Ешьте.

Она чувствовала на себе взгляды всех присутствующих. Прошло много времени с тех пор, как они последний раз видели дикую. Айсла осторожно взяла вилку и нож, любезно кивнула хозяину и отрезала кусок сердца; из него вытекла кровь, наполнив тарелку. Айсла вдохнула металлический аромат.

Откусила кусочек.

Грим резко поставил свой кубок с вином на стол.

— Айсла, как бы тебе ни шла кровь на губах, подозреваю, что мой славный друг Азул не разделяет вкусов диких...

И в самом деле, правитель небесных хотя и старался быть вежливым, выглядел неважно. Грим жестом подозвал слугу.

— Пожалуйста, отнесите это в ее покои.

Он говорил так, словно сам был хозяином замка, а не Оро. Правитель солярианцев моргнул, но не помешал мальчику из небесных забрать тарелку у Айслы.

— Желудок подводит, Гримшоу?

Сумрачный усмехнулся, на щеке снова появилась ямочка.

— У всех нас есть свои слабости, Оро, — сказал он. — На них я и рассчитываю.

Каким-то образом Айсле удалось досидеть до конца ужина, не сбежав из-за стола.

Она провела следующую ночь, отхаркивая кровь.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

